

150 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

**Олег
МОШНИКОВ**
г. Петрозаводск

От автора:

Жанр ладанок вырос из стихов, емких образов, отмеченных в записных книжках мыслей. Ладанки – это то, что ближе всего к сердцу: юмор, размышления, представление окружающего мира и человеческих характеров, коллизии моей собственной судьбы.

ОДИНОКИЙ АДРЕСАТ

Друзей не бывает много. Друзей – не приятелей. Мне легко сосчитать друзей и... тяжело смириться с полученным результатом. Один – в детстве. Один – в школе. Один – в поэтических кругах... Один-одинешенек стою я перед прожитыми годами, подарившими мне дружбу с курсантами уральского военного училища. Годами созидания. Годами мужества и роста. Годами, исполненными смысла человеческой жизни... Разметала судьба наши надежды, прямотушные разговоры, безответные письма – по всему белу свету. Где вы, дружки? Где ваши мудрые сердца и приветливые понимающие взгляды? Я – такой же, такой же восторженный безоглядный мечтатель, каким был во дворе, в школе, в солдатской казарме, и ваши мечты, и ваши лучшие годы жизни лежат в основе моего поэтического дара. Дара – сочинять и обрамлять в рифму переписанные начисто из армейских черновиков неотправленные письма-строфы...

Откликнись, друже, мой добрый читатель, – до

времени выбывший адресат! Откликнись на эти наивные строчки, откровения моих стихов и ладанок, если они близки твоим чувствам и переживаниям, откликнись просто и радостно, как на знакомое объявление в местной многотиражке: «Ищу... одиночество».

МОНЯ

В эфире лучший летний сезон музыкального шоу «Три аккорда». Звучат на удивление проникновенные, сильные песни. После исполнения Николаем Фоменко ростовского шлягера «Скрипач Моня» мое сердце исполнилось щекочущей горячей благодарностью к одноклассникам, курсантам родного Свердловского военного училища, армейским друзьям, называвшим меня по-еврейски ласково – Моня, донельзя сократив мою русскую северную фамилию. Горжусь! Неожиданно. Впервые...

ПОЦЕЛУЙ

– Бог целует каждого любимое место, – витиевато выразила свою заключительную мысль экскурсовод Водлозерского заповедника.

Присутствующие на литературном Фестивале «Петроглиф» поэты и прозаики переглянулись. У писателей много любимых мест, не только в Карелии, и прежде всего – это литература. Немного холодная, слегка простоватая или несколько заумная.

Разная, в общем... Далее выступала московская поэтесса, она же – дипломированный кинорежиссер. Москвичка посетовала, что на выходе ее многолетнего и весьма плодотворного творчества зачастую получаются тяжелые пасмурные стихи и – не в пример – легкие солнечные фильмы.

– Инь и янь, – многозначительно кивнула гостя из полынного Казахстана.

Сидящие в последнем ряду двое не просыхающих уже несколько дней участников «Петроглифа», не сговариваясь, взглянули друг другу в дремучие глаза:

– А мы с тобой – синь и пьянь...

Выглянуло солнце. Посветлел хмурый ветреный день. Расцвели улыбки. Пыльный оконный луч обернулся божественным воздушным поцелуем, отмечая любимое место в коротком рассказе о фестивале.

ГОСТЬ

Нет-нет да и доходят до меня истории, связанные с земным бытованием карельских писателей. Одну из которых я и хочу вам сейчас рассказать...

Давно-давно зазывал к себе в гости писателя Александра Валентинова литературный критик Борис Кущин... со сломанным лифтом, на девятой этаж...

Собрался в кои-то веки Александр... А вот наконец-то и старая дерматиновая дверь. Звонок – второй, третий. Как на театральной премьере на зов музыкального звонка – в недрах необъятной кушинской фатеры раздался тихий неуверенный шорох то ли портьеры, то ли домашних тапочек.

– Саша! – прервав порядком надоевшую мелодию звонка, впуская гостя в широкую полутемную прихожую, расплылся в теплой нетрезвой улыбке хозяин дома, – заждался, братец, заждался... Ну те-с, доставай!

– Что доставать? Новые стихи? – Валентинов стал стягивать с шеи мокрый мохеровый шарф.

– Кой черт стихи... Со вчерашнего «коктейля» у поэта Мартасова во рту кисло... Водки принес?

– Как водки? – опустил до мелочности и несерьезности происходящего удивленный стихотворец, – ты же меня сам пригласил! Говорил, обсудим рукопись по полной. Теперь что – от ворот поворот? Зря, выходит, я пешком через весь город шлепал?! – Ну и хорошо, что шлепал-пришлепал... Бутылка где?

– Ну, знаешь, Борис, это уже слишком! Никто меня так не уважал... то есть не унижал, никто! –

Валентинов гневно распахнул входную дверь и зашпешил вниз по лестничному маршу – вон, скорее вон – из душного, созданного человеческой низостью девятиэтажного тупика.

– Да что ты, Саша! – не унимаясь, кричал вслед убегающему поэту раздосадованный критик. – Знаешь как я тебя уважаю, как поэта, как человека... А ты... ты без бутылки в гости ходишь!

О ТВОРЧЕСТВЕ

Вдетстве – будучи добросовестным и беззаветным книголюбом – делился с родными и друзьями прочитанными книгами... Сейчас – раздариваю написанные стихи. Не потоком, вдумчиво, – пишу следующее за предыдущим...

Каким стихам предначертана долгая и счастливая жизнь? О детстве? О юности? О гражданском долге, отчей любви и незабываемых путешествиях в чудесные края? Или тем незаметным, искренним, волнующим строкам, которые чувствуешь и помнишь ты?..

ВСПОЛОХ ПАМЯТИ

День Победы. В центр города к мемориалу Вечный огонь подтягивались горожане. На диабазовые плиты братской могилы ложились гвоздики. Взлетали надутые гелием пузатые танки. Над белыми бантами пятилетней девочки горделиво качался красный воздушный шар... В удивительно ясном небе светило солнце. От неимоверного количества яркого солнечного света не мудрено было перепутать пролетевший истребитель с парящей чайкой, чайку с квадрокоптером, снимающим на маленькую камеру огромную двадцатитысячную реку Бессмертного полка, парадные коробки войск городского гарнизона, плывущие вдоль голых газонов черные контуры поднятых над головами людей солдатских портретов... И, наверное, от этой всеобщей скорби и народной гордости, от этих трогательных прикосновений памяти скользкая по серому асфальту и гулкой брусчатке тень красного детского шарика – оставалась красной, ало и кровно отбрасывая на холодные камни всполохи Вечного огня.

ДВОРОВЫЙ АВТОРИТЕТ

Уподъезда пятиэтажного дома, занимая пышным весомым дворовым авторитетом половину лавочки, восседала отставная военная докторша,

подрабатывающая на пенсии в городской поликлинике. Разглагольствовала:

– Какие, право, солдаты... то бишь пациенты, пошли странные – ни о чем кроме своих болячек думать не хотят! Пыталась я тут одну дамочку расшевелить, разговор завести культурный. Цитату привела, афоризм ввернула... Молчит. Ни бельмеса не понимает. Другой бы терпение на моем месте быстро потерял. Градусник из подмышки вытянула, проверила, подписала больничный и – гуляй, не кашляй. А мне необразованность наша дремучая покоя не дает! Решила наводящие общеизвестные примеры привести. Разбудить дремлющий разум. Юношескую библиотеку перелистать. Как вам, спрашиваю, личность Мамочки? А педагогические эксперименты ВикНик-Сора? Смотрю на пациентку сквозь ее дымчатые непроглядные очки. Сообразит или нет? А та – не мычит, не телится! Ну, ладно, Пушкин, Достоевский... «Республику ШКИД» не читала! Каково? Ну, о чем, о чем с такой особой говорить прикажете? Только о болезнях, как в рекламе на «Радио России»? Без ответа, но с приветом? Обидно, обидно за русскую литературу, до слез обидно...

Из сидящих на соседней скамейке женщин никто не возражал. Вышедшие подышать свежим воздухом старушки понимающе кивали и охали. За немением подобающих аргументов.

ВЫСОТА РАДУГИ

Хоронили учителя музыки. Одинокого, бездетного человека. Не одно десятилетие пытался учитель увлечь здоровых и больных детей игрой на древнем карельском инструменте – кантеле. Специально раскрашенные для специфического детского коллектива струны позволяли извлекать из финно-угорских «гуслей» удивительные радужные мелодии, напоминающие шелест дождевых капель, пение утренних птиц, тиканье настенных часов, придавая деткам уверенность в собственных силах и неограниченных возможностях, зачастую наперекор неутешительным врачебным вердиктам.

После погрузки в машину массивного гроба я задержался у открытых дверей катафалка. И невольно стал свидетелем того, как девочка с болезнью Дауна, заскочив в автомобиль, прильнула к гробу учителя и на мгновенье замерла... И такая читалась в ее оплывших глазах щенячья безудержная благодарность, такая чистая глубинная жаль, что будто и моего сердца коснулась горчинка ее выросшей до бездонных небес боли. Боли – до коей еще расти и расти, достигая радужной, бескорыстной, божественной высоты,

многим взрослым, прагматичным, горделиво прячущим свое чувственное «я» людям.

КОНФУЦИЙ

Черное море... По прибытии в Феодосию прямо с железнодорожного вокзала меня подхватили под руки и увели... на городскую окраину, в одноэтажный частный сектор. В маленьком домике, занятом семейными отдыхающими, свободной оставалась только прихожая с узкой солдатской кроватью и трехступенчатым деревянным крыльцом. В прихожей я и расположился. Запихав под кровать небольшой чемоданчик, предварительно достав из него плавки и книжку «Афоризмы китайских мудрецов», я отправился на пляж...

Приходил я в съемную прихожую уже под вечер. Жильцы других комнат, обнаружив мое присутствие в проходном помещении, вежливо стучались и перешагивали через меня – в случае необходимости зайти или выйти из дома... Но зато, когда дом засыпал и на небе вспыхивали яркие звезды, я мог спокойно сидеть на теплых ступеньках в почти непроглядной темноте, вслушиваясь в звуки и голоса южного предместья. Мои утомленные солнцем и морем загорелые плечи обволакивала ночная прохлада, слегка подсоленную кожу щекотал нежный ветерок. Я был безмерно счастлив, молод, переполнен всеми благами жизни и неизбытым чувством, что мне ничегошеньки, ну ничегошеньки больше не надо, ведь у меня есть уютное крыльцо, звездное небо и недочитанный Конфуций.

КИЖСКАЯ КРАСАВИЦА

Дом – в экспозиции острова-музея «Кижь». Печнее крыльцо. Молодая пряжа в традиционном русском наряде старательно проживает жизнь деревенской девушки конца XIX века... Чу! – в открытые ставни истории хлынул мутный солнечный свет. В блеклом старинном зеркале встретились глазами моя современница и девушка-крестьянка. Истаял светец. Остыла печка. Привычно вытягивают пальцы льняную нить. Стучит веретено. Много пряжи в доме. Зябко в нетопленной горнице. Впереди долгая карельская зима. Падают прогоревшая лучина, катятся слезы в кадку со студеной водой... В два оконца – в красном углу дома – озеро колышется, плывут по своим делам лодки-кижанки, тянется солнечная пыль короткого карельского лета. Нынче в Кижях праздник! Отставила веретено девушка. На зеленой поляне возле двух величествен-

ных деревянных храмов подруги хоровод затевают. В цветастом сарафане, в платке с красными, синими, белыми цветами идет по улице русская красавица! Радостно бьется сердце при звуке колокола – языка веры Христовой, языка судьбы, былинной земли заонежской. Праздник в Кижях!.. Недолги посиделки. Не полощутся белые ночи в водах Онего. Пали июльские сумерки. Мамка зовет домой. Много льняной и шерстяной пряжи заготовлено в доме... Катятся звезды, капают слезы, падает уголек лучины в широкое озеро души.

ГДЕ ТВОЙ ДОМ...

Побывал на старой родительской квартире... За редким исключением – вся мебель, картины, книги – на прежнем месте. За окном все та же заводская березовая роща.

А ночью мне приснился цветущий яблоневый сад!.. Но это был не мой сад. Этот сад увидела в распахнутое окно деревянного домика на окраине Петрозаводска моя маленькая мама. После нечеловеческих послевоенных мытарств, сталинской отсидки бабушки и ее обездоленного возвращения из тюрьмы, сгоревшего от упавшей керосиновой лампы детдомовского барака, голодного пайка и ночлега в приспособленном дровяном сарае во дворе сердобольных родственников мама оказалась в крохотной квартирке отчима, инвалида войны, который принял у себя женщину с двумя дочерьми... Окно квартиры выходило в яблоневый сад, облепивший склон узенькой и быстрой речки. Пикируя с воздуха на белые душистые цветы, гудели шмели. Игривый ветер раздувал шелковые лепестковые парашютики. Солнце качалось в сплетении причудливых и гибких веток. В домике, окруженном яблоневым садом, десятилетняя девочка впервые почувствовала себя дома.

Проснувшись среди ночи, я поймал себя на мысли, что мне снова хочется вернуться в прошелестевший зелеными ветвями мамин сон, еще более уютный и домашний, чем в ее рассказах, окупаться в белопенное кружение нежных лепестков... раздвигая руками белоствольную березовую дымку – за нашим домом.

НАСТРОЕНИЕ

Сегодня неожиданно подхватило и понесло меня – над землей удивительное окрыленное чувство – наполненности и совершенства жизни! Как будто сегодня я достроил дом, посадил сад, написал книгу, – легко и просто совершил по-настоящему зна-

чимое для истории, для вселенной дело. Просто... просто сегодня – в осенний хмурый вечер – я зашел к сыну... проведал внучек.

ШАРМАНКА

Устен древней крепости Греми в Кахетии бренчала и всхлипывала старинная уличная шарманка. Многочисленные русские гости и путешествующие тбилисцы невольно замедляли шаг при звуках незатейливой механической мелодии, служившей негромким фоном красивой грузинской песне. Местные монеты – лари – едва прикрывали дно войлочной шапки, милостиво и величаво расположившейся у ног седоусого шарманщика.

Прибывали новые экскурсионные группы. Всюду – улыбки, дружеское, уважительное отношение к приезжим. Будто мы опять, чудесным образом минув три бесславных десятилетия, очутились в маленькой и уютной южной советской республике.

За неимением волшебной палочки и при наличии шарманки мы с супругой решили крутануть ручку диковинного музыкального инструмента, растянуть подобно грузинскому многоголосью все выученные в гостинице слова: «Ге-н-на-а-ацвеале, рого-о-о-ра-а-ахар, ге-н-на-а-ацвеале, гва-а-англо-о-обд!» Сами собой выплыли в памяти танцевальные па из спектакля «Ханума», приключения трех работяг-дорожников – героев знаменитых короткометражек «Грузия-фильм», прямодушные проделки авиатора Мимино и душевные «Тополя» ансамбля «Орэра». И я, и жена, и шарманщик, и обалдевшие туристы пели о единой заоблачной стране – Советском Союзе...

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОРОСЕНОК

– За мир! – произнес емкий, немногословный – тост наш грузинский водитель и по совместительству экскурсовод Георгий (Гога – как он просил себя называть) за столом в маленькой тбилисской гостинице «Мимино».

Кому как не Гоге, воевавшему за целостность Грузии и обездоленному своей страной, понимать значимость и необходимость долгой и мирной жизни... Помотала Гогу по миру, побила о дорожные камни строптивая судьба. В последнее время, получив почти одновременно постоянный вид на жительство в России и корочку экскурсовода, Георгий, крепкий пятидесятилетний мужчина, возил туристические группы по кавказским дорогам.

После первого мирового тоста немного помолчали. Затем стали вспоминать недавнюю поездку в

Кахетию. Всем запомнилось счастливое свиное семейство, пересекавшее туристическую трассу в неполюженном месте.

– Свины хозяйские, – поддержал разговор Георгий, – все лето на воле живут. На желудях, ягодах и лесных корешках. Только осенью в хлев возвращаются. А какой поросенок от мамыши отстанет – самостоятельно пропитанием занимается. Совсем как я...

Как неприкаянный тринадцатый поросенок, согласно грузинской пословице (у свины – на все про все – только двенадцать сосков имеется), Гога рано ушел из семьи. Женился. Развелся. Как перекасти-поле по людям и весям мыкался. Работу менял. Пока не устроился – при помощи старшего брата – в правоохранительные органы новоиспеченной Джорджии. Воевал в Абхазии и Южной Осетии. Не озлобился, за идею рубаху форменную на груди не рвал. Вверх по служебной лестнице через две ступеньки не прыгал. Пришел однажды утром на работу, а двери Управления МВД города Тбилиси оказались закрыты. Никого из полицейских и следователей в рабочие кабинеты не пускали. Одним днем Мишико Саакашвили уволил сотни людей – профессионалов, отцов и матерей – полностью, по демократически жестко, обновив личный состав.

Хуже лавины, разрушительных подземных толчков навалились на свободную Грузию напасти. Виноградный, веселый, певучий край превратился в полигон – не свойственной древнему патриархальному народу – демократии. В котле социально-революционных потрясений погибли все младшие и старшие братья Георгия. Живя на две страны, помогая матери, Гога начал заниматься оформлением на себя немудреного отцовского наследства. Из сильной половины многочисленной грузинской семьи единственным мужчиной в роду остался только он – тринадцатый поросенок...

ОСЕННЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сперва я увидел падающую звезду, потом пролетающих гусей – и ничего не успел загадать... Рядом, совсем близко, кружились пожелтевшие листья:

– Загадывай, – предложила мне Осень...

А в полночь неожиданно пошел снег: самое время строить семейные планы, мечтать долгими зимними вечерами о будущем лете.

КОСМИЧЕСКИЙ ТАМБУР

Не люблю сталкиваться с писателями на работе... Занимаешься своим любимым пожарным делом: рассматриваешь проект, готовишься к проверке объекта или к выступлению перед школьниками – и вдруг видишь знакомую сутулую спину в кабинете начальника. Очередной сотрудник муз жалобу на пожарную инспекцию строчит. А то голос известный в коридоре услышишь – скандальный прозаик пришел разбираться с инспектором, осмелившимся закрыть его творческую подвальную мастерскую. В конечном итоге оказывается, что жалобщик пришел не в ту организацию и надо ему обращаться не в пожарку, а в газовую службу. Скандалист напрасно сотрясал кулаками воздух, никто его мастерскую закрывать не собирался, а требовалось просто убрать пустые водочные бутылки на путях эвакуации.

А Линник – тот ничего. Заранее в петрозаводскую инспекцию обратился. По всей форме. Мол, нужно гражданину тамбур квартирный согласовать. То бишь установить дополнительную дверь на лестничной площадке. Для тепла и безопасности. Ввиду новизны обозначенной проблемы ЖЭУ затребовало с челобитчика разрешительные справки со всех проверяющих организаций. В начале 90-х годов редко кто с такой просьбой к пожарным обращался. Нужды не было. Да и единое советское общежитие в головах прочно сидело: чего зазря деньги тратить и от соседей отгораживаться. А тут особое дело – человек обратился знаменитый. Писатель. Философ. Я заявление писательское тут же взял в свой оборот... В юности я перелистывал тоненькие поэтические книжечки литератора: о цветочках, северной природе, родной карельской глухомани. Значительно позже – в зрелом возрасте – в росной паутинке, осеннем листе, звездной заводи, чередой перечитанных книг мне открылся удивительный Космос земли, созданный проникновенными образами поэта... Договорившись с Юрием Владимировичем по телефону, на следующий день вышел по указанному в прошении адресу, на улицу «Правды».

В назначенный час нажимаю квартирный звонок. Открывает хозяин. Поздоровались. Все-таки на культурных петрозаводских мероприятиях не раз пересекались. Захожу в комнату... Ба! В глазах пестро! Картины космические – аж на потолке – все пространство квартиры занимают. Углы комнат упаковками книг новеньких заставлены. Поэт. Ученый. Как не помочь уважаемому человеку! Тамбур-то небольшой требовался. Главное, чтобы наружная дверь была покрепче. С общего коридора сквозить перестанет. Да и коллекция галактических

полотен в сохранности будет. В ельцинские времена полно было вокруг неблагоприятных и эпатажных «метеоритов», падких на «инопланетное» добро.

Разрешение на устройство тамбура я на следующий день напечатал и у начальника подписал. Все честь по чести. Как и просил меня Юрий Владимирович, повторяя слова профессора Преображенского из «Собачьего сердца»: «Как угодно, что угодно, когда угодно, но чтоб это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог даже подойти к двери моей квартиры! Окончательная бумажка! Фактическая! Настоящая! Броня!» Бумажка... Мимолетное воспоминание, пустяк... Малая толика того, что можно было сделать для сохранения писательского, общечеловеческого, поистине вселенского достоинства философа-космиста – Юрия Линника.

ПЕРВАЯ ВЫСОТА

Удивительное дело! Кумир моего поколения – детей-«шестидесятников» – маленькая актриса из города Вильнюса, сыгравшая Суок в «Трех толстяках», героиня замечательных фильмов для подростков «Девочка и эхо» и «Дубравка», – выросла, вышла замуж, родила детей и, никак не связывая себя с кино, всю жизнь проработала библиотекарем, – счастлива безмерно! И правильно. И достаточно. Многим за всю свою жизнь не достичь ее первой взятой высоты, не побороть изъедающей душу немощи тщеславия...

ТИТАН

Сколько приятных незабываемых часов подарил нам сверкающий разноцветной иллюминацией Питер! Позади хлопотный радостный новогодний день... Сидя в позднем вагоне метро, почти дремлю и блаженно улыбаюсь чему-то своему – пустяшному, покойному, пенсионному.

В вагон зашла женщина моих лет. С хозяйственной сумкой. Неприятно и вызывающе оглядела занятые пассажирские сиденья. Тут же соскочил с места худенький и бледный подросток в колпаке Санта-Клауса:

– Садитесь, пожалуйста!

Тетка снисходительно кивнула и, окатив сидящих мужчин уничижительным взглядом, водрузилась на сиденье супротив меня. Я мысленно порадовался за молодое питерское поколение: молодец Санта-Клаус! Уважение к старшим проявляет, без выпендрежа... Через некоторое время хрупкая девуш-

ка, сидящая рядом со мной, вспорхнула и вышла на станции «Последняя встреча»... Стоящий возле двери мальчик, заигравшись в смартфон, даже не заметил освободившегося места. Насупленная тетка тут же взялась за его обустройство:

– Садитесь, молодой человек! Садись, кому говорят!

Потянув за рукав, насильно посадила растерявшегося подростка на свое разгоряченное сиденье и попыталась подвинуть мою калорийную фигуру, приземлившись на свободное место. Прижаться к стенке, потеснить нахрапом мою природную основательность было непросто. Такой подвиг по силам разве что древнегреческому титану Гераклу. Тем более что слева от меня сидели такие же объемные, уставшие пассажиры. Оглядев тесный непоколебимый ряд, тетка выдохнула, ошпарив мое правое ухо гневным восклицанием:

– Вот козлы!

Здрасте-пожалуйста! И это культурная столица России! Мое праздничное благостное настроение со свистом вылетело и пропало в черном туннеле метрополитена... А так хотелось в полной мере порадоваться жизни. Обнять каждого встречного и поперечного. Поверить в Санта-Клауса. А вот сиди теперь и потей рядом с кипящим и фыркающим дровяным титаном! К счастью, мне надо было выходить на следующей остановке...

СЮРПРИЗ

Забирая меня на выходной из круглосуточного садика, мама сказала, что меня ждет сюрприз. Сюрприз? Вот те раз! Озадаченный незнакомым и хлестким словом, я стал вспоминать – чем же я провинился. Затих и молчал всю дорогу: от детского сада на Птицефабрике до Старой Кукковки, где стоял приютивший нашу семью старый бревенчатый дом вепсской бабушки Паши. Я испугался, что мне припомнят сожженных в бабушкиной духовке деревянного Буратино и детскую балалайку – поставят в угол, не включают мультиков, не пустят гулять... А дома мне сказали, что угол подождет, что сюрприз – это подарок, и его надо найти самому, на то он и сюрприз.

В сюрпризной комнате-квартире стояли: платяной шкаф, мое раскладное кресло, папы-мамина кровать, тумбочка с черно-белым телевизором «Рекорд» и зеркальное трюмо... Трюмо – это была моя вотчина, моя собственная страна! Я часами мог придумывать занимательные истории, передвигая статуэтки, вазы, пепельницу, пудреницу, брошки и кольца, зеркально разыгрывая представление с

участием одного актера и настоящей планеты сокровищ! Но об этом после. История с потерянными колечками и обломанными фарфоровыми головами – из другой сказки... Сначала мне надо было найти таинственный подарок. Посмотреть в кухне? Но в кухню нельзя. Кухня – запрет. Еще свежи были в родительской памяти мои эксперименты с дровяной плитой. Да и под большой железной бабушкиной кроватью обитала Бука. А с Букой мне почему-то совсем не хотелось встречаться... Заглянул в ящик с игрушками – ничего. В цветочном горшке – одна земля и посаженная мной в прошлом году сливовая косточка. В стиральной машине – пусто... Наконец под платяным шкафом я обнаружил... красные блестящие босоножки! С пуговкой-застежкой. Пахнущие сладкой кожей. Удобные и праздничные, не чета ношеным ботинкам и физкультурным чешкам. Настоящие магазинные туфельки! Совсем такие же яркие туфельки были у феи летающего домика из кукольного спектакля про Изумрудный город. Не знаю, как себя чувствовала Элли в центре урагана: а мое сердце порхало по комнате розовой бабочкой! И я готов был расцеловать за такой замечательный подарок маму, папу, бабушку и даже ужасную Буку, закружив, притоптывая босоножками, между шкафом и креслом, тумбочкой и кроватью – весь этот неожиданно счастливый мир!

ПОЛЕНО

Повадился кто-то из нашей сараюшки дрова таскать... Ладно бы паровое отопление работало в полную силу, а так – батареи чуть живые. Зима выдалась холодная, ветреная. Но – на счастье – печку в нашей довоенной двухэтажке не разобрали. Подтапливаем помаленьку. Маленький сын. Ванночка на кухне. Не простудился бы... А тут: не успеешь новый замок повесить – наутро дверь нараспашку. Замок вместе со щеколдой из доски выворочен. Вязанки дров как не бывало. Фомкой орудуют, шельмы! Под покровом ночи... К слову сказать, ближе к зиме в Карелии дня не видно – сплошная ночь...

Иду с работы по темноте, глядь: дверь в сарай открыта и какая-то худосочная фигура внутри шебаршится. Явно не теща. Подхожу ближе: какой-то небритый мужик в фуфайке полешки мои аккуратно в авоську складывает. Оборачивается: ба! Знакомый старик – из соседнего дома: там у него квартира на первом этаже. В его доме, как и у нас, печки не убраны, трубы торчат. У этого чудика еще кошка ученая имеется: погуляет и – домой по приставной жердочке в форточку забирается.

– Ты чего это, дед, – говорю, – чужие дрова таска-

ешь, двери ломаешь? Давно в милиции не был?

Старик слюну сглотнул, кадыком заросшим задергал, разволновался:

– Да я ж для тепла... Разреши, сынок, пару поленьев взять. Мерзну шибко. А заботиться некому. Один с кошкой век коротаю. Разреши! У меня-то сарайчик в прошлую зиму сгорел: весь запас дров и сил моих стариковских огонь унес...

А я стою злющий, разгоряченный: злоумышленника поймал на месте преступления, да он еще требует чего-то.

– Нет, дед, нет! И слушать не хочу! Уходи отсюда подобру-поздорову, пока я в милицию не сообщил. И чтобы я тебя возле сарая больше не видел!

Старик вывалил из сетки на пол три сучковатых полена, виновато и жалостливо оглядел мою привычную фигуру и поплелся к зевающему холодной пустотой подъезду.

Не дал я старику вязанку до дому донести, согреть промерзшую комнату печным теплом. Не дал... Мой сарай. Моя семья. Мой сын. А старик – не мой. Бессловесный. Слабый. И все же томила меня мелькнувшая в его взгляде мутная жалость...

Через месяц теща меня новостью огорошила:

– Умер наш сосед, старый воришка, в больнице, от неизлечимой болезни – старости.

Меня как поленом по голове ударило:

– Как умер?

– Совсем. Болел долго, да и зима больно злая выдалась. Метельная. Остервенелая...

НАВСЕГДА

К сожалению, в короткой, слишком короткой человеческой жизни ничего нельзя исправить: любое твоё действие или бездействие – это навсегда.

НЕИЗГЛАДИМЫЙ КАДР

Выступая перед учащимися Петрозаводского президентского кадетского училища, рассказывая о видеосюжетах, снятых мной в разное время службы на городских пожарах, обратил внимание ребят на работу пожарного-оператора. Наравне с боевым караулом этот человек стоит на краю огненной бездны. В качестве примера у меня в рукаве «боевки» есть один замечательный реальный случай, происшедший с Александром – коллегой из города Тюмени.

Познакомился я с Сашей на двухнедельных курсах в Санкт-Петербурге. Квалификацию повышали. В гостиничном номере о житие-бытие толковали. И

однажды поведал он мне о приключившемся с ним форс-мажоре.

В центре Тюмени горело девятиэтажное офисное здание. Пожар, начиная с пятого этажа, проглатывал, как пустые картонные коробки, помещения и лестничные марши, забираясь все выше и выше. Под самой крышей дома располагался импровизированный и довольно большой фитнес-центр. В общем, было где огню разгуляться. На защиту этого помещения отправили свободное пожарное звено. Со стороны главного входа, где еще можно было встать и развернуться машинам, выдвинули пожарную автолестницу. Звено поднялось на крышу. Рукава пожарные на веревках подтянули, на арматурных заграждениях закрепились. Дали напор воды...

Ну так вот. Решил и мой визави на крышу забраться: работу пожарных показать. Вскарabalся по лестнице – камеру включил. Трое огнеборцев – в три ствола – помещения нижние с чердака поливают. Саша пристроился поодаль и тут замечает, как со стороны выдвинутой автолестницы поднимается пламя. Огонь из окон восьмого этажа, огибая глухие стены спортзала, ринулся наверх. Мгновенно вспыхнуло битумное покрытие крыши, отрезая пути к спасению. Внутри дома – котел с кипящей лавой и kloкочущим едким вонючим чадом. С двух сторон – вздыбленная огненная лавина. Струи воды в бeссилье разбиваются о жуткую пламенную стену. Прижавшись к угловым заграждениям, товарищи побросали бесполезные рукава. А он отчаянно снимал и снимал, прикрывая камеру испачканной в сажу крапкой, пока не раскалилась и камера. Спасая отснятый материал, Александр сунул видеокамеру под «боевку» и обернулся на крик. В черном дыму звеньевой потянул оператора к ограждению туда, где с наветренной безопасной стороны здания, подвешенные на веревках, пульсировали пожарные рукава. Правда, такой спуск не гарантировал благополучного исхода. Не приспособленные к эвакуации человека веревки могли не выдержать. Но другого пути не было. Намотав веревку на правую руку, Саша стал резкими судорожными рывками съезжать по ней ниже и ниже. Капроновая бечева нещадно рвала рукав брезентовой «боевки», впивалась в кожу, вызывала дикую обжигающую боль. Но он не мог уже затормозить нарастающее падение, ибо левой рукой прижимал к груди драгоценную видеокамеру...

Очнулся Александр на земле, его несли в дежурившую на пожаре скорую помощь. Правая рука представляла собой кровавое месиво с обрывками брезентовой ткани и жгла немилосердно. Когда после обезболивающего укола пожарный-оператор немного пришел в себя, передавая камеру подроспевшему сотруднику пресс-службы, он спросил

о судьбе других бойцов. Все живы! Никто серьезно не пострадал. Видно, сказался большой боевой брандмейстерский опыт.

В гостиничном номере Саша показал мне свою правую руку: от плеча до самого запястья, не оставляя ни одного ровного участка кожи, шел толстый винтовой иззубренный шрам... Выдержал трос. Выдержал человек. До конца стоял на огненном рубеже пожарный-оператор. Не спасовал перед огненной стихией, выполняя свою важную, обыкновенную, героическую работу. И я стараюсь донести до всех и каждого – будь то товарищ по службе или вон тот курносый мальчишка в курсантской форме: не унывай, не поддавайся панике, не отпускай веревку и... жизнь!

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ...

В маленьком заснеженном поселке прощаются с хорошей и тихой старушкой. Перед крыльцом – посреди дороги – на четырех табуретках выставлен открытый гроб. Обитая красной материей крышка прислонена к заиндевшей березе. Потянулись соседи. Подъехала городская родня. Шепчутся, прощаются, притоптывают придорожный снег. Безутешная вдовья невестка, всплакнув, вытирает слезы концом темного платка. В ногах покойной – растет россыпь пластмассовых и тряпичных цветов...

Подошла женщина – из дальних родственников:

– Ну, вот – собрали Клавдию в дорогу. На вечную квартиру... – Оглядев кружевную домовину, с озабоченным видом обратилась к невестке. – Зубы в гроб положили? А очки? Очки положили?

Невестка, полуобернувшись, досадливо махнула рукой:

– Да положили, положили! Чуть газету для чтения за подушечку не сунула, прости, Господи... Упрекнуть не в чем. Упаковали по полной...

Не оставляет, заставляет задуматься бесхитростная деревенская картинка... И вот что интересно: со времен языческих берегов – многие тысячелетия – провожая усопших в загробный мир, многомудрые родичи вкладывали в руку воина боевой меч, красавице – костяной гребень, простой обыватель довольствовался медным пятакoм за щекой... чтобы было чем расплатиться с молчаливым Перевозчиком... От Каменного века и до нашей искусственной эпохи, никак не меняясь, сохранилась эта традиция – оставлять умершему кусочек привычной земной жизни как неразрывную связь с его новым Небесным обетованием.

ОГОРОД

Скудновата в Карелии почва. Подзол да суглинок. А как задождит на все лето – хана урожаю. Картошка растет мелкая, склизкая...

Петр Иванович сызмальства был страстным огородником. Родился и вырос в деревне. Да вот учиться профессии в город уехал, где и остался... Выйдя на пенсию, вновь ощутил неодолимую тягу к земле. Прикупил землю на Агростанции. Вспахал, удобрил как надо и – посадил картошку. Аж двадцать соток! Лето выдалось на диво теплым. Картофель зеленел и раскачивался высокой ботвой до самого сентября. Тут и подкопать не грех, попробовать ценный народный продукт на вкус. А народ-то не дремлет... Подкатил Петр Иванович к Агростанции на своем «Запорожце» и видит: на его участке двое здоровенных битюгов картошку копают, без стыда и совести. Подошел хозяин к своему ненаглядному полюшку и встал в сторонке, оторопело теребя в руках тощий холщовый мешок.

Один из бугаев, смахнув со лба рукавом крупные капли пота, обратил внимание на нерешительного малахольного огородника:

– Мужик, ты чего зеваешь? Бери лопату и копай. Поле большое, на всех картохи хватит...

Так и вернулся домой Петр Иванович с единственным выреченным мешком картошки. И с той поры огородом больше не занимался.

ШАЛУНЫ

Никак не могли уложить спать семилетнего племянника. Одиннадцать часов вечера, за дачным окном августовская ночь – а неугомонный шалун носится по комнате и кухне, и пяти минут не пролежав на застеленной раскладушке.

В конце концов, супруге, именем своей строгой сестры, удалось запеленать племянника в одеяло, хоть и в сидячем положении. Свободной оставалась упрямая взлохмаченная голова, не прекращающая задавать дурацкие вопросы. Так до утра можно бдеть не спамши...

– Ложись и спи! – не выдержал я. – Плохих детей, тех, кто не замолкает и не ложится спать до полуночи, забирает к себе... Черный рыбак!

Жена, уловив ход моих мыслей, продолжила список омерзительных личностей, понизив до неузнаваемости внезапно охрипший голос:

– А еще за ним следом нередко плетется Хромой Митрофан...

– Да, – продолжил я страшным голосом, – а за ним ковыляет Безобразный Джек!

– А за Джеком крадется, – не унималась жена, – Кривой Ермолай...

– Но все они замирают, – раздухарился я, – когда в комнату входит Лысый Боб!

Тут племянник как заорет, как расплчется, как забьется на раскладушке:

– Не хочу к Лысому Бобу! Мама! Мамочка!!!

Мы еле-еле с супругой его успокоили, водой отпоили. И сами не рады, что страшилок парню наговорили. Детство пионерское к ночи помянули... В первом часу угомонились. Раскладушку между нашими кроватями впихнули. Страшно стало мальцу одному в темном углу слезы глотать. Ни он от нас, ни мы от него – теперь ни на шаг. Так и уснул между нами, держа бестолкового дядю и не в пример расшалившуюся тетю за руки...

ЛЮБОВЬ, КАПЧАГАЙ И ВЕСНА

Нравилась мне одна телефонистка... Катей звали. Красивая. Стройная. Эффектно смотрелись на ней приталенная военная форма и сержантские погоны. Иногда, когда наши ночные дежурства совпадали, я ловил всякий миг ее прохода мимо загородки радиотелеграфистов. Благо она клетушка находилась при входе в помещение штаба бригады Средне-Азиатского военного округа, за широким стеклом, и совмещалась с комнатой дежурного по части. В ту пору я уже полгода принимал «боевые сигналы» на штабной радиостанции.

Однажды после полуночи дежурный по части, вызвав заспанного сменщика-радииста, приказал мне отлучиться из расположения части, прервав мое «боевое дежурство». Цель отлучки – проводить до дому сержанта-телефонистку, проживающую в общежитии КЭЧ казахстанского города Капчагай. У дверей штаба меня ждала... Катя! Закончилась ее ночная смена. Солдат первого года службы редко выпускали за пределы части. И посему, где находится общага, я имел смутное представление. Да Катерине нужен был не ходок, то есть знаток местности, а провожатый. Защитник! Казахи – народ мирный. Но береженого Бог бережет. Ночи в Казахстане темные... Пошли мы вдвоем по ветреной весенней степи. Ждем не дождемся, когда в городское предместье завернем. От ветра спрячемся. И – хоть бы словом перемолвились! Молчим. Я – от стеснения. Катя о чем-то своем девичьем думает. Только от ветра в шинельку короткую кутается. Так молча до дома и дошли.

Общежитие КЭЧ, окруженное старыми раскидистыми чинарами, уютно темнело в трех кило-

метра от территории части. Коротко простились. А я будто плечи расправил: благодарная Катина улыбка и чуть слышное «спасибо», разворошив костер юношеской фантазии, озарили сказочную азиатскую ночь! Всю обратную дорогу я сладко грезил: обратила ли милая девушка внимание на скромного провожатого? Взглянула ли она на меня хоть раз украдкой в ночной степи? Проходя тихим темным двором, я не смог побороть искушения и – скинул, как свадебную фату, на руку сохнущую на веревке простыню. Завернув за угол дома, я быстро расстегнул шинельные крючки. Сложенная в несколько раз прохладная материя переместилась под хэбэшку. А в голове закрутилась реплика из фильма «Чапаев»: на войне, бабка, и поросенок – Божий дар... В самом деле, белый материал для форменных подворотничков был архинеобходим солдату срочной службы. Месячное денежное довольствие военнослужащего, высыпанное на прилавок гарнизонного магазина, целиком уходило на гуталин, фурнитуру, бритвенные лезвия и дефицитную подшивку, которую, в виде экономии, приходилось перестирывать десятки раз. А тут – чистая белая простыня! – спасибо неизвестному казахскому другу... Завтра – красивый и подтянутый – я буду сидеть на «боевом дежурстве» и сиять свежим подворотничком! И проходящая мимо Катерина невольно замедлит шаг и разглядит-таки через толстое штабное стекло мою молодцеватую аккуратность и ясные влюбленные глаза!

Но разглядели меня совсем другие люди... Мой восторженно-ошалелый вид бросился в глаза дневальному по КПП. Дневальный доложил дежурному. И началось. Бдительные служаки провели осмотр содержимого моих карманов и отобрали спрятанную под хэбэшкой простыню. Наряду на контрольно-пропускном пункте подшива нужнее. Как же – лицо части... А Катя обо мне и не вспомнила. Темно было. Да и, по правде говоря, вспоминать-то и нечего...

Недели через две, отвергнутый, побритый и причесанный, я взял увольнительную у замполита батальона и пошел фотографироваться. Мое рядовое лицо необходимо было вклеить в документы – для отправки в военное училище, куда я поступил в начале этой весны, сдав все необходимые экзамены выездной комиссии.

Днем казахстанский городок неумолимо терял ночную таинственность и привлекательность. Пыльно. Солнечно. Неловко – от собственного внешнего вида, скрытого давеча спасительной темнотой. Куцая шинель. Замасленная пилотка. Стоптаные сапоги. Грязные руки. Кое-как, с грехом по-

полам отмытая шея... После фотоателье, забежав в продмаг и купив черствую плюшку, я тут же у прилавка вцепился в нее зубами и жадно проглотил первый сдобный кусок.

– Что ты своих командиров позоришь? – упрекнул меня стоящий в очереди седоусый мужчина.

Сунув булку за отворот шинели, я выбежал из магазина...

Через месяц принаряженный бравый представитель Капчагайской бригады красовался в строю бывших армейцев, а ныне курсантов Свердловского военного танко-артиллерийского училища. С этого момента начиналась светлая полоса моей военной юности, растянувшаяся на четыре года курсантской службы, полигонных сессий и караульных грез.

СМЕХ И СЛЕЗЫ

– Вы меня не помните? – завел разговор со сбежавшим в Париж фабрикантом герой фильма «Бег», поставленного по повести Михаила Булгакова. – Я полковник Врангелевской армии. Мы вас в двадцатом году в Крыму чуть не расстреляли...

Примерно так. Так приходилось мне представляться при встрече с директорами школ или заведующими детских объединений, чьи вверенные учреждения я инспектировал по долгу противопожарной службы. Я вас давеча штрафовал... Ну, по делу, конечно. Без фанатизма. Однажды оштрафованная мной комендантша общезития автодорожного техникума, проникшись моей профессиональной осведомленностью и тактом, а также пространной речью о своевременно принятых мерах, благодаря которым был предотвращен возможный пожар, не выдержала и, прикинув к моему плечу, бурно разрыдалась:

– Какой вы добрый, какой справедливый!

Было и такое. Обиды и непонимание вскоре забываются. И напротив, дороги и памятные забавные моменты, чего-чего, а курьезов за десять лет моего пригляда за объектами народного образования было предостаточно. И в этом ряду незабываемы встречи с очаровательной детской непосредственностью. А вот и одна из них...

Договорившись загодя, в середине июня прибыл для проверки детского сада «Моховичок» в поселок Соломенное и прямо с порога был сопровожден заведующей на летнюю игровую площадку. Тут, кстати, совсем случайно готовился показ инсценировки по сказке Самуила Маршака «Кошкин дом». Вокруг задекорированной под купеческий терем беседки

ходили детишки, одетые в костюмы сказочных зверей. На куче песка топорщился щепками импровизированный костер. По краю песочницы мягко ступала кошка. Хрюкала свинка. Петушок и курочка оседлали шаткие деревянные качели. И только в стороне, возле второй калитки, заросшей кустами акации, воспитательница пылко нашептывала что-то расстроенному мальчику, теребившему в руках черную зимнюю шапку. Вроде все было готово, а представление не начиналось. Я решил пройтись по территории, посмотреть противопожарные таблички и обозначение водоема. Обойдя детсадовский забор, я зашел с обратной стороны незаметной калитки и услышал горькие детские всхлипы. Тот же самый расстроенный мальчуган, утирая слезы взлохмаченным треухом, упрямо твердил нависшей над ним воспитательнице:

– Не буду козлом... Козлом не буду... Сами играйте своего козла... А я не буду...

Уперся бутуз и ни в какую. Под угрозой срыва оказалось важное противопожарное мероприятие. Было принято Соломоново решение – играть без козла. Пришлось козе за двоих «есть соседскую герань»... Конечно, все прошло на «ура» – и проверка, и выступление. И все же – в отличие от мальчишеских слез – пожар в песочнице был ненастоящий.

СЛОВА

Плюются гневные сиюминутные слова, а разделяет стороны непримиримая человеческая обида. Слова врут напрапалую, а люди слышат то, что хотят услышать. Ложь выкапывает между, а люди падают в пропасть. Воют слова, а погибают семьи, друзья, народы...

Берегите друг друга – не принимайте слова близко к сердцу, они – всего лишь слова.

ГОЛОС

Посреди ночи в Натании я проснулся от голоса. Молодого и звонкого. Мимо окон нашего гостиничного номера проходил юноша, поющий песню об Израиле. Я давно не слышал такой свободной и гордой песни о родине. Не казенной. Не показной. Не кичливой... Даже не зная иврита, по одним интонациям можно было догадаться, что восторженный юноша поет о любви, о прекрасной девушке. Тепло и просто говорит о своих чувствах... И эта любовь взаимна.

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Если вы хотите узнать, как красив наш озерный северный городок – в любую погоду, в любое время года – загляните в мое скромное жилище: за платяным шкафом, томиком лирической поэзии, родительской иконой, распахнутой оконной шторой вы не увидите ничего. Вы не увидите ничего – без любви и уважения к хозяевам дома... Всякое предубеждение к чайному столу, светлой обстановке и задушевной беседе, предвзятое отношение к человеческим привязанностям и чувствам, мрачное брюзжание и леденящая зависть оставят ваши глаза слепыми. Дороги разбитыми. Дома серыми. Душу пустой. И вам никогда-никогда не постичь красоты и достоинства этих удивительных слов – любимый город...

Я ТЕБЯ ПРОКАЧУ...

Обычно, неторопливо раскручивая воображаемые творческие жернова, я напеваю про себя стихи. Сочиненная за неторопливой работой или в пешем порядке ритмическая тема помогает сформировать образ, озвучить авторский замысел. Потом музыка уходит... Рифмованные аккорды произведения «Я тебя прокачу на воздушном шаре» изначально не хотели становиться немимым печатным текстом. Произошел редкий случай, когда мелодия и стихотворение, слившись воедино, остались песней. А дело было так...

Жена Марина гладила белье. Из утюга вырывался пар. По телевизионному каналу «Культура» показывали навьюченных индийских слонов. Затем проплыл парад воздушных шаров. Поглядывая на экран, Марина украдкой вздыхала... Я, созерцая все это великолепие, сидел на диване – в позе болдинского Пушкина. И тут все соединилось, завертелось, закружилось! Шипение пара перехлестнулось с уробным слоновьим кличем, барабанная дробь легла на размеренный стихотворный ритм. Тра-та-та, тра-та-та: подхватила и понесла меня над лиственной, воздушной, лазурной волной вдохновенная мелодия... Супруге песня понравилась, идея задуманного путешествия – тоже. Пусть ни слона, ни воздушного шара под-над собой мы пока что не ощущаем... и принимаем как должное плавное напевное покачивание сине-зеленого океана мечты:

*Я тебя прокачу
На воздушном шаре,
На балтийской волне,
В белокрылой яхте,*

*На индийском слоне
В золотом Непале,
Осторожно к груди
Прижимая счастье...*

ЖУРАВЛИ

На улице Володарского, неподалеку от нашей вытянутой восьмиподъездной пятиэтажки, находилось общежитие «химиков». Никакого отношения к последователям Дмитрия Менделеева они не имели. «Химиками» называли осужденных, которые дорабатывали свой срок на принудительном поселении, но почти что на свободе. После трудового дня – во благо государства – они возвращались под контроль правоохранительных органов в отведенные для жилья комнаты, которые тайно оглашались тихим звоном винно-водочной посуды.

Один из «химиков» забрел как-то вечером на нашу веранду. Звали его Жека. Наверное, его привлекли нестройные звуки дворовой гитары. Ранней осенью гитара собирала парней и девчонки из ближайших домов на веранду детского сада – пункта ежегодного сбора после летних каникул местной пацанвы. Жека, культурно послушав визгливое гремяние струн очередного доморощенного менестреля, попробовал сам настроить «великолепный» инструмент. В его руках гитара преобразилась и зазвенела прекрасной, печальной, чуть приплатненной осенней песней «А сегодня журавлей поднялась стая...». Пацаны затаили дыхание, потянулись, как те журавли на юг, к незнакомому человеку, исполнившему такую тихую проникновенную мелодию...

Жека еще несколько раз заходил вечером на веранду. Аккуратный. Трезвый. Улыбчивый. Но однажды... Однажды в октябрьские сумерки в калитку детского сада влетела пьяная стая голиковских «химиков». Их было человек десять. Веранда была высокой, обзор прекрасный – и трое сидевших подле меня сверстников-мальчишек, мучавших расстроенную гитару, завидев нетрезвую братву, решили тикать – подобру-поздорову. Гитара тренькнула виновато, исчезая в проеме детсадовского забора. Я же, разглядев в толпе чужаков улыбчивого Жеку, решил остаться. Я был среди дворовых ребят самым рослым... самым глупым... Ввалившись на веранду, братва окружила меня плотным кольцом. Я тут же нашел глазами своего нового знакомого:

– Привет, Жека!

Но Жека, демонстративно не заметив моего приветствия, пьяно ухмыльнулся:

– Ты что же не драпанул? Смелый, да?

Тут вперед вышел изрядно выпивший, высокий и верткий парень лет двадцати пяти, постоянно лохмативший огромной пятерней сивую шевелюру. Несмотря на количество выпитого вина, на ногах он стоял твердо и действовал решительно:

– Да что ты с ним лялякаешь? – высокий ткнул меня кулаком в грудь. – Пошли драться один на один! Или ты хочешь, чтобы мы тебя здесь все вместе мочканули?

– Не хочу... И не здесь... – выдавил я из себя.

– А где? – не унимался верткий жилистый боец. – Говори где, не бзди! Всё по-чесноку – гребень на гребень!

– За детским садом, – говорю я, – там никто не ульшит... Не помешает то есть...

– Ну, веди, показывай!

Я пошел в темноту. За мной, разминая плечи, подпрыгивая от нетерпения, следовал высокий. За нами неторопливо шествовала толпа «граждан буйного Рима», жаждущая зрелищ на гладиаторской арене... Шел я в каком-то отупении, механически передвигая ватные негнувшиеся ноги. Почему я? За что они так со мной?.. Потом, конечно, сорочья дворовая почта мне сообщила, что, проиграв в «очко» все наличные деньги, высокий «химик» поставил на кон сломанную челюсть первого попавшегося «смельчака». В карты ему в тот вечер не везло. А «смельчаком», как на грех, оказался я... Так я шел приговоренным к казни до угла здания детского сада. Дальше – неизвестная гулкая чернота... И тут мне кто-то голову будто прожектором осветил! Я же с шестилетнего возраста территории садика наизусть знаю как свои пять пальцев – все щели и дыры излазил! С тыльной стороны здания – ворота на замке, а рядом – за кустами – незаметная калитка имеется. Вот оно – мое спасение! Я тут же ринулся в темноту... По хрусту кустов за спиной и нецензурной брани я понял: погони не избежать. За воротами – каменистая грунтовка. Я ринулся по ней со всех ног – вздох за вздохом – приближаясь к своему родному блочному муравейнику. Вот только с горочки спуститься... «Стой, сопляк! Стой, тебе говорю!» – ревел высокий. Его тяжелое рваное дыхание неумолимо приближалось. И тут я почувствовал удар пудового кулака в спину. На какое-то время я приподнялся над землей и вновь, как приотставший журавль, что есть силы кинулся догонять исчезающую вереницу. Правда, без обуви. В миг своего кратковременного журавлиного отрыва от земли я расстался со школьными полуботинками. Но обрел новую окрыленность: ибо мой преследователь, по-видимому, наступив на отлетевший ботинок, оскользнулся, потерял равновесие, что и позволило мне добежать до своего

подъезда... босиком. Легкая фанерная дверь, приняв на себя проклятья и ругань незадачливого гладиатора, даже не шелохнулась. Для «химиков» любящая поднятая шумиха чревата наказанием. В ту секунду, не думая ни о чем, я уже был на четвертом этаже и вдавливал кнопку квартирного звонка.

Потом – будто в тумане – промелькнули тревожные бдения у темного окна, полуночный поход за отброшенными ботинками, тазик с горячей водой, куда я бережно опускал разбитые камнями ноги. Многие ощущения забылись... Но именно с тех юных пор я терпеть ненавижу песню про улетающих журавлей!

ЭХО

В скучной, непонятной и суетливой обыденности казенной службы изредка в обеденный перерыв удается включить аудиокнигу... На этот раз в течение тридцати минут я слушал рассказ Юрия Нагибина «Эхо»... Тридцать минут – и я вновь вознесся над государственной рутинной, ощутил правильность выбранного писательского пути. И на мои стихи и рассказы могут сделать подобную инсценировку! И так же как я, под впечатлением нагибинской прозы, люди, милые слушатели, будут сочувствовать моим героям, восторгаться понятным и родственным сердцу образам... Полчаса – без разговоров о новых моторах, расходе бензина, выдаче запчастей и портянок. Полчаса – в компании детства, моря, гор,

первой любви, бесхитростного всепрощения – и все вокруг кажется более значимым и красивым, чем раньше.

Услышанная радиопостановка рассказала многое и обо мне самом, помогая острее чувствовать, понимать и принимать как должное все, что меня окружает...

БЕЗ ФАНАТИЗМА

Каждый знает, что умрет. И я знаю, думаю об этом... Но как-то без особого фанатизма.

ЯПОНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Тысяча добрых дел. Тысяча хороших людей вокруг. Тысяча прочитанных книг, стихов, рассказов. Тысяча написанных мною, пронизанных всеми перечисленными тысячами житейских ручейков, строф... Может быть, это и есть отголосок японской легенды, по которой тысяча бумажных журавликов, сложенных несовершенным человеком, разлетевшись повсюду, продлевают, раздаривают миру единственную жизнь?

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске.

В 1988 г. окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище.

Подполковник внутренней службы в отставке.

На данный момент продолжает трудиться в одном из подразделений регионального МЧС.

Публиковался в журналах «Север», «Карелия», «Урал», «Уральский следопыт», «День и Ночь», интернет-журнале «Пролог», «Юность»,

«Наш современник», еженедельнике «Литературная Россия».

Автор трех книг стихов и двух книг прозы.

Член Союза писателей России.

